

ЭО, 2010 г., № 3

© Г.П. Харючи

**НЕНЕЦКАЯ ЖЕНЩИНА В НАУКЕ: К ВОПРОСУ
ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ
САКРАЛЬНОЙ СФЕРЫ**

Ключевые слова: традиционное общество, гендерный аспект научных исследований, женщина и сакральная культура, священные места

Для исследования проблемы, обозначенной в названии статьи, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать этнокультурную ситуацию, в которой шел процесс изменения роли женщины в ненецком обществе.

Традиционное общество коренных народов, в том числе народов Севера, рассматривалось исследователями как социум с выраженным доминированием мужчины во всех сферах социальной жизни. Статус женщины, который не единожды рассматривался в гендерных исследованиях на примерах разных народов, часто оценивался как приниженный (напр., см.: *Пушкарева* 1998; *Бутовская, Гучинова* 1998; *Ахметова* 1998; *Горишнова* 2006 и др.).

Многие авторы считали положение ненецкой женщины бесправным (*Георги* 1799; *Иславин* 1847; *Шренк* 1855; *Зуев* 1947; *Костиков* 1930). Некоторые исследователи, например Л.В. Хомич, причину такого положения видели в принадлежности женщины к другому роду (*Хомич* 1966: 196). Однако Б.М. Житков отметил, что «в хозяйстве и во всей жизни самоедов жёны играют большую роль. Ничего похожего на приниженное положение нет. То, что говорится иногда по этому поводу в популярной, а иногда и в научной литературе, основано на неправильно понятых религиозных обычаях: женщина “не чиста” в определенное время, не должна есть мясо медведя и т.д. Это не мешает мужу советоваться с женой о всех делах и обращаться с ней неизменно ласково» (*Житков* 1913: 287).

Ненецкое традиционное общество было построено на строгом разделении сфер “мужского” и “женского”. Регулированию их взаимоотношений служило разделение труда, основой которого являлись физиологические различия между полами. Статус мужчин и женщин в традиционном обществе менялся в зависимости от возраста, семейного положения, количества детей и внуков.

Жизнь ненецкой женщины в непростых природных и социальных условиях была тяжелой. Девушке, уходя в чужой род, следовало приспособиться к новому, незнакомому окружению, новой социальной среде, занять в ней свое место, защищать собственные права, но быть при этом сдержанной и терпимой. Женщине предстояло адаптироваться к самым тяжким условиям обитания и жизненным обстоятельствам: она могла вместо мужа пасти оленей, охотиться, рыбачить.

По моим наблюдениям, статус женщины в пределах собственного чума был весьма высок, особенно если она привозила с собой большое приданое. Ее семья получала достойное возмещение за приданое – *не’мир* (“плата за женщину”, в литературе – калым). Высокое общественное признание получала женщина, родившая и воспитавшая много детей, особенно если те достигали определенных успехов: имели немало оленей, были удачливыми охотниками или становились известными, уважаемыми людьми.

О женщине в тундре судят по мужу. Например, М.А. Лапина писала о хантах: “Если мужчина появлялся в обществе в неопрятной, непочиненной, непросущенной

Галина Павловна Харючи – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Ямальского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН e-mail: haryuchi-yamal@yandex.ru

одежде, то осуждение со стороны других людей вызывала прежде всего жена, мать или женщина, которая живет рядом” (1998: 47). То же относится и к ненцам.

В традиционном ненецком обществе женщина выполняла важные функции по созиданию и сохранению семьи, передаче социального и культурного опыта. Одним из механизмов реализации этих функций и была система запретов (табу), которые регулировали ее поведение (подробнее см. Харючи 2008: 284). Некоторые ограничения и запреты основаны на ее физиологических особенностях, что в традиционном обществе обрело сакральный статус. Особое положение женщины было обусловлено *сэмэй* – “нечистотой” – в критические дни, и главным образом в период родов. Часть ограничений и запретов в отношении хантыйки, как подчеркивают исследователи, диктовалась заботой о ней самой, желанием оградить ее от возможного вреда (Кулемзин, Лукина 1992: 18–19). То же самое можно сказать и о ненецкой женщине: известные ограничения оберегали прежде всего ее саму и будущее потомство.

Велико значение женщины в ненецкой семье: соблюдая многие запреты и установки, она выступает как существо, тесно связанное с сакральным миром, ей отводится особая роль в процессе жизнедеятельности. Так, по представлениям ненцев, в тундровой жизни от поведения и даже мыслей женщины зависит благосостояние всей семьи; ее слово, знак, взгляд всегда имеют глубокий смысл и определенную силу. Если женщина будет нарушать этические нормы, нравственные правила, это скажется на жизнедеятельности семьи, рода, будущих поколений. Например, когда мужчины собираются в дальнюю дорогу или на охоту, поведение домочадцев, прежде всего женщин, регламентируется многочисленными запретами, поверьями, приметами.

Как в прошлом, так и в наше время трудолюбие, ответственное отношение к семье, работе и учебе, прививаемые девочкам с детства в семье и школе, помогают им во взрослой жизни. На собственном примере я могу сказать, что все это было заложено в меня в детстве, воспитано во мне мамой. Мудрые нравственные и бытовые установки остались основой жизни современной семьи. Следовало много работать, чтобы успевать и соответствовать новым ориентирам: трудиться на благо общества, чтобы за свой труд получать достойную зарплату, быть социально активной, воспитывать детей и заботиться о семье. У ненцев не было стремления перенести свои традиции в “русскую жизнь”, где нужно было адаптироваться к новым условиям и прилагать все силы к усвоению новых требований, однако традиционные установки сохраняются ими и сейчас.

Смена традиционного уклада жизни на новый, поселково-городской, освоение новой модели социальных и прежде всего семейных отношений, обычно не вызывает психологического кризиса. Безусловно, женщине трудно тратить много времени на работу и общественную деятельность, ведь это значит, что собственным детям и семье она вынуждена уделять меньше внимания. В этих условиях у мужчин и женщин произошла смена традиционных социальных ориентаций, значительно изменились гендерные роли в семье. Женщина сохранила обязанности по дому, сократив те, что не отвечают современному городскому стилю жизни, и расширила обязанности перед семьей, работой и вне дома. Мужчина, лишенный в условиях города традиционных занятий, вынужден искать для себя новую сферу приложения. Ему не нужно пасти оленей, ходить на охоту, рыбалку. Эти занятия превратились в хобби. Но при всех изменениях образа жизни современной женщины-северянки у нее остается потребность в традиционных ценностях, например, она осознает, что мужчина – глава семьи, а дети есть продолжение рода.

У ненецкой женщины по-прежнему присутствует “патриархальный” этнический стереотип женского поведения. В то же время новый социальный стереотип вынуждает ее быть эмансипированной, много работать. При этом она должна рожать и воспитывать детей, обслуживать членов семьи, заниматься общественной работой, быть социально активной. Отмечу, что менталитет современной женщины-северянки еще не исследован, но он значимо изменился.

Интересно, что сегодня во властных структурах законодательной и исполнительной власти Ямало-Ненецкого автономного округа почти нет представительниц коренных народов. Основными причинами, препятствующими широкому участию женщин в политической жизни, являются отсутствие традиций политического участия женщин в управлении, а также трудности в совмещении политической деятельности с семейными обязанностями.

Более благоприятно выглядит ситуация с участием женщин в научной сфере. Женщины-исследователи коренной национальности представляют социально активную часть населения. Это личности с устойчивой системой ценностей, они стараются достигнуть максимально возможного для себя социально-профессионального уровня, но не в ущерб семье. Н.В. Лукина отметила, что в достижении высокого социального статуса (конкретно – в научной деятельности) женщины северных этносов реализуют себя гораздо чаще, чем мужчины (2002: 19).

Вместе с тем женщине при всех ее достижениях в научной области порой бывает очень сложно работать, например, занимаясь исследованием сакральной сферы традиционной культуры – тут ей всегда было отведено особое место с определенными ограничениями. Выше говорилось о строгом разделении ненецкого традиционного общества на “мужское” и “женское”. Здесь четко выдержано гендерное разделение ролей, которое пронизывает всю систему общественной жизни. В обычной жизни мы не особо задумываемся над этим. Но вопрос о влиянии усвоенных с детства установок и запретов на выбор темы, круг информантов и методы работы оказывается очень важным. Некоторые аспекты этой деятельности были кратко рассмотрены мною ранее (Харючи 2004). В настоящей статье я попытаюсь осветить этот вопрос на основе личного опыта.

Я принадлежу к этнотерриториальной группе тундровых ненцев, проживающей на Гыданском п-ове. Гыданские ненцы имеют самостоятельный говор и живут несколько обособленно от других групп тундровых ненцев-оленьеводов в силу своей отдаленности. Мои родители были оленеводами Гыданского рыбозавода, пасли стадо государственных оленей; на пенсии они стали оленеводами-частниками. Сейчас их дело продолжают мои братья, к которым перешли в наследство олени вместе с семейными духами-покровителями. Я до семи лет жила в чуме и кочевала вместе с родителями, говорила только на ненецком языке. Здесь началось мое приобщение к традиционным установкам ненецкого общества.

Жизнь изменилась, когда меня отдали в школу и я стала жить в интернате, приезжая домой на летние каникулы на два с половиной месяца. Дома, в традиционном обществе, основные жизненные ценности – семья, род и благосостояние (у ненцев – наличие оленей). В школе превалялись иные ценности: хорошая учеба, что вызывало дух соперничества, соревновательность, не свойственные традиционной жизни. Там была для нас как бы другая жизнь, не настоящая. У ненцев *ненэй ил'* – настоящая жизнь, *ненэй мя* – настоящее жилище (чум), т.е. все настоящее было только в традиционной кочевой жизни. Все, чему нас учили в школе, особенно в начальных и средних классах, мы на время забывали, оказавшись на летних каникулах в тундре. Там был привычный мир, где все понятно и просто, другой ритм жизни (не надо жить по часам). Родители, которые тоже скучали по детям и любили нас не потому, что мы хорошо учились. Осенью мы с удовольствием снова окунались в школьный, учебный процесс. Учиться мне нравилось, я очень любила читать, узнавать новое. Было желание получить образование, родители никогда не препятствовали этому и не требовали вернуться в тундру. Они понимали, что времена изменились и быть неграмотным очень трудно, гордились, когда другие люди хорошо отзывались о нас. Мы старались всячески помогать родителям, не огорчать их.

Десять лет я училась в школе-интернате, затем окончила Тюменский университет, более 30 лет живу в г. Салехарде. Много лет работала в школе учителем, затем стала заниматься научной работой, защитила кандидатскую диссертацию. Стараюсь

ежегодно выезжать к родственникам в тундру, чтобы пожить в родной среде. Есть родительский чум с семейными духами, священная нарта – это память о родителях, есть необходимость “подпитаться энергией” родных мест, найти ответ на некоторые вопросы по своей научной теме.

Большое влияние на пробуждение моего этнического самосознания, изменение моего мировоззрения, отношение к жизни, к культуре моего народа оказали события начала 1990-х годов. В это время была создана Ассоциация коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа “Ямал – потомкам!”, была открыта лаборатория этнографии, истории и социальных проблем народов Севера Института проблем освоения Севера Сибирского отделения АН СССР, где я стала работать научным сотрудником. В 1998 г. лаборатория была преобразована в Научный центр гуманитарных исследований коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа. Сотрудниками лаборатории стали представители коренных народов: ненцы, ханты, селькупы, в основном женщины: учителя и работники учреждений культуры, выросшие в традиционной среде и знающие культуру своего народа.

С созданием ассоциации и научной лаборатории наметились первые практические шаги в возрождении и пропаганде традиционной культуры, чему способствовало проведение научно-практических конференций, семинаров, фольклорных фестивалей, иных культурных мероприятий.

Мне и моим коллегам предстояло вступить на новую, научную стезю и освоить новую профессию – этнографа; до этого времени из северян готовили только учителей, врачей и зооветспециалистов. Одним из организаторов становления гуманитарной науки в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах была российский этнограф-угровед Н.В. Лукина. В подготовке национальной научной интеллигенции она опиралась на наше изначальное знание традиционной культуры. Но нам следовало было взглянуть как бы со стороны на традиции собственного народа и в то же время отразить знание своей культуры изнутри, поскольку мы все родились и воспитывались в традиционной культуре, хотя последующая социализация происходила в условиях поселка и современного города. Нам приходилось адаптироваться к научной среде и одновременно утверждаться в роли исследователей в нашем социальном окружении.

В первые годы, когда не было видно явных результатов, нашлось немало скептиков как в обществе, так и в среде национальной интеллигенции. Нас спрашивали: “Что вы делаете? Где результаты – книги, монографии?”. Общество не было готово к пониманию того, что подготовка научных кадров – процесс трудный и долгий, особенно для нас, не имеющих опыта научной работы. Тем не менее первые результаты исследований убеждали специалистов в том, что в дальнейшем в этнографию вольется мощный поток новых знаний о культуре и традициях народов Севера (Лукина 2000: 27).

Изменилось отношение и сородичей. Раньше в тундре они видели исследователей других национальностей, изучавших традиционную культуру коренных народов и издававших книги. Мои первые командировки и экспедиции проходили в основном у родственников в стойбищах и рыболовецких станах. Сперва им непривычно было воспринимать меня как исследователя. Находясь в стойбище, я вела обычную для тундровой женщины жизнь: исполняла все обряды, ездила на оленях, шила одежду, ухаживала за детьми. При сборе этнографического материала родственники, особенно старые люди, поначалу недоумевали, зачем надо описывать чум, одежду и орудия труда, неужели это кому-то интересно. Необходимо было объяснить цели и особенности работы этнографа.

Проводимые нами научные конференции, фестивали, поездки в зарубежные страны, а также участие в международных конференциях сыграли огромную роль в моей жизни в тот период. Не зря говорят: узнав культуру других народов, лучше поймешь собственную. В 1994 г. побывала в Венгрии на летней школе в составе представителей финно-угорских народов. В течение трех недель слушали лекции, много рассказывали о культуре наших народов.

Из этой поездки я приехала другим человеком. Оказалось, что культуры коренных народов уникальны, вызывают большой интерес за рубежом, в частности, среди ученых. На свой народ я стала смотреть иначе. Не секрет, что люди с низкой культурой относились к приезжавшим из тундры или к живущим в поселках пренебрежительно. Я осознала ценность науки и одновременно – родной культуры и родного народа. Благодаря этому я ощутила собственную значимость как исследователя. Я поняла, что знание языка народа, его культуры изнутри, мое мировоззрение – это богатство, которым я владею, и этот материал следует проанализировать, наполнить научным содержанием.

Выбранная мной научная тема – о традициях и инновациях в культуре ненецкого этноса – была мало связана с сакральным (2001). Более того, неосознанно я избегала всего, что касалось необычного состояния человека и окружающей среды. Видимо, с детства у меня был глубинный подсознательный страх перед неведомым.

Вместе с тем одним из направлений научной работы лаборатории стало составление карт священных мест коренных народов округа. На эту работу нацеливала ассоциация “Ямал – потомкам!”. Картографированием и описанием священных мест мне пришлось заниматься в силу необходимости, а не из интереса к священным местам как таковым. Мы еще не осознавали всей научной значимости такой деятельности, а о практической ее целесообразности говорили последствия промышленного освоения. Главная задача виделась поначалу в том, чтобы успеть зафиксировать памятники духовной культуры ненецкого народа, так как на наших глазах происходило разрушение ненецких святилищ на территориях, попавших под промышленное освоение. Мы тогда не знали, как создать систему охраны культовых мест коренного населения, но чувствовали, что необходимо специальное административное постановление или законодательный акт об охране святилищ как памятников этнокультурного наследия.

Большую роль в моей жизни в тот период сыграла Н.В. Лукина – научный руководитель, наставник и один из инициаторов создания научного центра в г. Салехарде (Ямало-Ненецкий автономный округ). Она сформулировала свою задачу в работе с начинающими этнографами из числа коренных малочисленных народов Севера так: перевести их из статуса носителей культуры в статус исследователей культуры. Этот процесс позднее был раскрыт Н.В. Лукиной в ее монографии “Наука как форма общественного сознания северных этносов” (2002).

Анализируя становление научных центров северных народов, Н.В. Лукина уделяет особое внимание личности исследователя – представителя северного народа. Первыми сотрудниками созданных в Салехарде и Ханты-Мансийске научных центров и первыми кандидатами наук по специальности “этнография” стали женщины. “С точки зрения социологии в научных сотрудниках-северянах взаимодействуют принципиально различные социальные статусы: предписанные и достигаемые. В процессе научной деятельности соотношение предписанных ролей постепенно меняется, наблюдается тенденция к преодолению предписанных статусов в пользу достигаемых. Для научных сотрудников-северян это означает расширение возможностей изучения закрытых (сакральных) сфер традиционной жизни” (Там же: 147–148).

Если женщины-исследовательницы выбирали темы для научной работы с учетом предписанных ролей традиционного общества, это находило понимание и поощрение в традиционной среде (например, в случае интереса к изделиям с орнаментом или к обрядам). И наоборот, женщины-ненки не понимали, почему мужчины-этнографы интересуются женской сферой деятельности. Н.В. Лукина подчеркивала: “нужно учитывать тот факт, что преобладающее большинство научных сотрудников занимаются тематикой, в значительной степени связанной с традиционными запретами. Многие сферы жизни, где запреты играют не столь большую или вообще незначительную роль, просто не изучаются северянами. Поэтому не стоит преувеличивать меру ограничений и запретов, если иметь в виду изучение традиционной культуры в целом” (Там же: 82–83).

Как исследователю мне приходится смотреть на культурные традиции моего народа со стороны: наблюдать изменения в бытовой и духовной культуре, вести сбор полевого материала и отбирать из него наиболее важные данные. Особенно интересовали меня изменения в духовной культуре, отношение современной молодежи к семейным святыням, культовым местам, выполнение ею обрядов и ритуалов. В своих научных исследованиях я встречала взаимопонимание и всяческую поддержку со стороны сородичей в описаниях традиционного хозяйства, занятий, некоторых обрядов. Трудности наступали, когда речь заходила о святилищах, обрядах на священных местах, духах. Например, о семейных духах в священной нарте я знаю только со слов брата, к которому перешли по наследству домашние реликвии. В детстве я много раз наблюдала издалека процесс угощения семейных духов из священной нарты. Этим занимались только мужчины. Близо приближаться или интересоваться происходящим девочке, а тем более девушке, женщине было не принято.

Став исследователем и касаясь этих вопросов, я испытывала душевное противоречие. Увоенные с детства определенные роль и запреты в сакральной сфере, мне, как ненецкой женщине, очень осложняли сбор материала о святилищах. Во время полевых выездов или в отпуске, проводимом у родственников-оленоводов, я собирала информацию, не афишируя свою тему. Легче было работать с людьми среднего возраста в поселках. Необходимо отметить, что сейчас тундровое население – это грамотные люди в возрасте 50–60 лет.

Я не могла спрашивать о многом даже у родителей, а тем более у других пожилых людей. Я не имела права интересоваться священными местами, посещать и описывать их (кроме специальных женских и общедоступных), так как еще не достигла того возраста, когда с женщины снимаются многие запреты, в том числе и на посещение культовых мест.

Обращу внимание на такой факт: когда мы, знатоки традиций, общаемся с сакральным практикам, то информацию сразу не можем публиковать, так как идет систематизация знаний. Но есть и более важный момент: у нас имеется внутреннее табу на разглашение такой информации. Кроме внутреннего запрета я очень боялась осуждения со стороны старых людей и того, как в этом случае будут страдать и переживать мои родители, ведь в ненецком традиционном обществе большое значение имеет общественное мнение.

Эти и другие запреты рассмотрела в одной из своих работ Е.Т. Пушкарева (*Пушкарева* 2004). Ею хорошо описаны преимущества полевой и аналитической работы с сакральными исследователями, работающими в своей традиционной среде. Вместе с тем автор указала и на важные ограничения в их деятельности: “Любое традиционное общество стратифицировано по половому, возрастному, физиологическому, фратриальному, родовому, семейному, соседскому и другим признакам. Все это накладывает отпечаток на исследователя. Деление традиционного общества по половому признаку накладывает определенный стиль поведения исследователя-мужчины и исследователя-женщины. Что можно мужчине – не всегда можно женщине и наоборот, что можно женщине – не всегда можно мужчине” (Там же: 83).

В начале моей научной деятельности произошла памятная встреча с последним шаманом из нашего рода (умер в 2007 г.). Мы говорили о многом, в частности, он сказал, что я должна была “держат в руках бубен”. К тому времени я только начала заниматься научной работой, с конкретной темой еще не определилась, но всячески избегала вопросов, касающихся шаманизма и всего, что с ним связано. Меня удивили слова шамана, тем более что это была первая встреча. Я не была с ним ранее знакома, хотя он знал, что у моего отца есть дочь. Я тогда обратила его слова в шутку, говоря, что не обладаю какими-либо способностями, большая часть моей жизни прошла в другой среде и в другой культуре, я прошла школу советского воспитания и, став взрослой, в традиционной среде бываю эпизодически и мало общаюсь с сородичами.

Мои родители были обычные люди. Про предков-шаманов они тоже не рассказывали. Тем не менее я призадумалась над словами шамана. Вероятно, в жизни мне была предначертана непростая судьба.

Интересно, что после той памятной встречи с шаманом мне стало психологически легче заниматься документацией священных мест. Казалось, я получила на то разрешение, но с соблюдением всех правил; поскольку не каждый может касаться этой темы – значит, мне уготовано было судьбой сделать эту работу во имя защиты ненецких святилищ. Итак, не став шаманкой, я подошла к сакральной теме, которую всячески избегала в начале научной работы.

В 2003 г. в моей жизни произошло знаковое событие: я оказалась в Институте этнологии и антропологии РАН на Международном интердисциплинарном научно-практическом семинаре-конференции, организованном Центром изучения шаманизма и иных традиционных верований и практик. Я увидела многих известных ученых – специалистов, изучающих сакральное в культурах разных народов, а также непознанное в проявлении различных феноменов, связанных с человеком. Затем была поездка на Алтай, полевая работа с алтайскими шаманами. В моей жизни это была первая встреча с необычными людьми другого народа. Величественная природа Алтая, горы, перевалы, реки Катунь и Бия, Телецкое оз. – все это произвело на меня огромное впечатление.

Тема конференции “Сакральное в традиционной культуре” была очень знакомой, понятной и интересной. В то же время передо мной встало множество вопросов. Я знала, что многого не знаю и не могу объяснить. В первую очередь это касалось того, чего я избегала в жизни и работе. На конференции особое внимание было уделено проблеме священных мест; речь шла о том, как усовершенствовать общую методологию и методику их исследования, как отражать сакральную часть культуры в своих работах. В.И. Харитоновна отметила, что “методика работы с сакральным, естественно, напрямую зависит от исходной методологической установки и идеологической позиции ученого. Но, пожалуй, еще более важным аспектом сотрудничества видятся интердисциплинарные разработки проблем исследования сакральной части культуры. Это в первую очередь связано с изучением ИСС (измененного состояния сознания) и священных мест, что бессмысленно исследовать без активного использования данных геофизики, например. Сейчас уже хорошо известно, что большинство священных мест находится в локусах геомагнитных отклонений различного характера” (Харитоновна 2004: 36).

Изучением священных мест я уже занималась в международном проекте “Значение охраны священных мест коренного населения Арктики: социологическое исследование на Севере России”. Этот проект относится к 2001–2002 гг., результаты его были опубликованы в 2004 г. (Значение охраны... 2004).

Наши исследования проходили в Тазовском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа, где с 1960-х годов открылось много месторождений газа. При этом был погублен ряд пастбищ, рек и озер, а также осквернены или уничтожены священные места. Люди понимали практическую значимость нашей работы и помогали нам. Наша группа состояла из известных и уважаемых людей в районе, в основном мужчин, региональных исследователей и помощников-ненцев. В проект пригласили меня, так как я имела теоретическую подготовку по данному вопросу, материалы предыдущих научных исследований. Среди женщин имелось немало знатоков традиционных практик, мы их привлекали в качестве информантов.

Вначале была проведена большая подготовительная работа, составлены анкеты, проект предусматривал участие большого количества коренного населения. Исследователи взяли 66 интервью с представителями коренного населения гыданской, антипаютинской и тазовской тундр, выявили и нанесли на карту 263 священных места, из-за ограниченных сроков неизученным остался юг района. Мы тщательно подходи-

ли к отбору участников проекта, поскольку в этой работе большое значение имеет личность исследователя. Мужчине-этнографу открыт более широкий доступ в изучении культовых мест. В анкетах мужчины-информанты отмечали о своем посещении того или иного культового места, давали описания этих мест, тогда как женщины отмечали, что только знают о наличии подобных мест или видели их издали. Очевидно, самое главное здесь – возможность посещения, графической документации и фиксирования имеющихся на святилище культовых предметов. Конечно, исследователю из числа коренных народов, выросшему в традиционной среде, психологически нелегко посещать святилище даже ради науки, тем более делать там зарисовки и фотографировать. Подобные действия на святилищах обычно вызывают осуждение у населения, особенно у старых людей.

Как уже отмечалось, согласно традиционным нормам, любая женщина, в том числе исследователь-этнограф, не может посещать святилища (кроме женских и общедоступных). Кроме ограничений на посещение имеются запреты и на определенные вопросы, которые женщина (даже ученый из среды коренных народов) не может задавать мужчинам, особенно старшим (большое значение имеет оппозиция “свой – чужой, наш – не наш”).

Одна из ведущих исследовательниц хантов и манси, З.П. Соколова, исходя из своего опыта, утверждает, что у иноэтничных ученых якобы нет ограничений в работе с сакральным. Она считает, что следует подбирать информатора, который тебе расскажет что-то сокровенное. Надо войти к нему в доверие, и тогда тебе откроются сакральные тайны. При этом она приводила такой пример: на р. Сыне ей показали священное место *ура* – амбарчики на высоких ножках, где находятся изображения, вместилища душ трагически погибших людей. Об этом месте знали только те люди, у которых кто-то погиб именно так. Остальные не знали вообще. Но этот пример не показателен, так как проводником З.П. Соколовой на священное место был человек, не имеющий к нему отношения и случайно нашедший его. Знающие об этом священном месте жители молчали. Она посетила святилище вопреки запрету (Сакральное... 2004: 78).

У меня часто возникает сомнение, правильно ли мы поступаем, приоткрывая завесу сакральной сферы традиционного общества, в частности составляя карты священных мест. Тем более есть опасение, что после обнародования сведений о местонахождении святилищ оно может быть осквернено или разрушено. Вместе с тем, если сегодня не создать систему государственной охраны памятников духовной культуры, завтра они будут разрушены в результате нефтегазового освоения, причем со ссылкой на незнание того, что на этом месте находилось святилище. Мы полагаем, что гарантом охраны культовых мест должно стать знание об их особом значении, т. е. уважительное отношение к памятникам культуры, к другой культурной традиции.

Начатая нами с 1990-х годов в округе работа по картографированию священных мест продолжается. Создана и постоянно дополняется база данных священных мест, куда вносятся все сведения по культовым местам Приуральского, Шурышкарского, Ямальского районов. Я состою в этом проекте в качестве консультанта и эксперта. Вся работу выполняют знающие свою культуру хранители традиций – представители ненцев, хантов.

Таким образом, в какой-то мере нам приходится преодолевать предписанные в традиционном обществе запреты. Перед исследователями встает проблема столкновения принципов традиционных, заложенных в процессе воспитания, и принципов, характерных для современного общества. Н.В. Лукина отмечала, что научные сотрудники-северяне ищут компромисс. Это свидетельство переходного этапа к новым взаимоотношениям традиционного общества и науки о нем (Лукина 2002: 84).

Во время нашей работы сложились определенные приемы общения с информантами. При этом учитывались и традиционные формы взаимоотношений, и языковая ситуация, и психологические моменты. В связи с этим приведу такой пример. Мне следовало описать *мяд' пухуця* – сакральную куклу, хранительницу чума, семьи. Она

передается в семье по женской линии. Сколько себя помню, она всегда находилась на подушке мамы. При перекочевках “ехала” на ее нарте. *Мяд’ пухуця* первой вносили в только что поставленный чум. По важным случаям для нее шьется верхняя одежда *ягушка* и обувь *кисы*. Новая одежда надевалась поверх предыдущей, поэтому со временем кукла становилась “толстой”, а одежда потрепаной. Я предложила маме подремонтировать одежду и сшить для нее новую – от меня, в честь моего приезда. Маме идея понравилась. Таким образом, в научных целях, не нарушая запретов, я получила важную информацию: посмотрела, как выглядит сакральная кукла без одежды, сосчитала, сколько и что на ней надето, выяснила, кем и в честь какого события было подарена очередная одежда.

В то же время мне рассказывали случай, когда на рыбоучасток приехала *луцане* (*лучине*) – русская женщина, сотрудник журнала “Северные просторы”. Оставшись одна в чуме, она стала потрошить *мяд’ пухуця*, видимо, чтобы описать ее. За этим занятием застала ее хозяйка чума.

На своем примере могу отметить, что мой социальный статус возрос в глазах сородичей, особенно когда я привозила очередную монографию или книги других авторов-ненцев. Они удивляются: оказывается, и ненцы могут писать книги о ненцах. Видя результаты моей работы, более ответственно и охотно дают информацию, в том числе сакральную, так как осознают важность научной работы. Каждое лето они ждут меня. Им интересно общаться со мной, я много рассказываю о других народах, их обычаях и о том, что происходит в мире. Мои сородичи воспринимают меня как свою, но в то же время как владеющую какими-то необычными знаниями.

На примере женщин-исследователей можно отметить, что “наблюдается тенденция к преодолению предписанных статусов в пользу достигаемых, что означает расширение возможностей изучения сакральных сфер традиционной жизни. Традиционное общество начинает воспринимать научную работу своих сородичей в качестве важного условия для сохранения этнической культуры в настоящем и будущем. Таким образом, традиционное общество становится все более открытым и в этом большое значение имеет популяризация этнографических знаний” (Лукина 2002. 148). В настоящее время благодаря средствам массовой информации идет ознакомление жителей округа не только с бытовой, но и с сакральной сферой жизни коренных народов, что было немисливо еще лет 15–20 назад, поскольку эти темы были запретны. Н.В. Лукина отмечала, что наблюдается встречное движение части традиционного общества к преодолению ограничений для научного изучения. Это не отказ, но уже определенные уступки (Там же: 85). Приверженцы традиционного образа жизни, как и мы, ищут и находят пути к компромиссному решению возникающих проблем. Один – помочь нам, своим исследователям, другой мотив – осознание практической необходимости изучения народных традиций во имя спасения культуры, поднятия престижа этих традиций.

Сегодня меня интересует тема народных знаний об окружающей среде. Я продолжаю исследовать священные места как экологический потенциал сакральной составляющей культуры. В связи с этим появилась необходимость разработки культовой терминологии. На примере этих исследований могу отметить, что многочисленные табу, выработанные культурой на протяжении веков и существующие в жизни ненцев практически до сего дня, – это традиционный комплекс знаний, поверий, способов и правил поведения, цель которых – поддержание взаимовыгодных отношений с природой. Подобное поведение позволяло, с точки зрения ненцев, не только оберегать человека, его семью и род, но и заботиться об окружающей среде. Экологичность подобного мировоззрения и поведения может показаться “вторичной”, однако для традиционного мышления мифологического типа это было естественно, поскольку человек воспринимал Природу как живое и себе подобное вместе с тем как более значимое, чем он сам, произведшее его и дающее возможность выживания.

Литература

- Ахметова* 1998 – *Ахметова Г.Ф.* Башкирская женщина в условиях современного города (по результатам экспертного опроса в городах Зауралья Республики Башкортостан) // Гендерные проблемы в этнографии. М., 1998. С. 46–59.
- Бутовская М.Л., Гучинова* 1998 – *Бутовская М.Л., Гучинова Э.Б.* Мужчина и женщина современной Калмыкии: традиционные гендерные стереотипы и реальность // Гендерные проблемы в этнографии. С. 60–76.
- Георги* 1799 – *Георги И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Ч. III. СПб., 1799.
- Горицунова* 2006 – *Горицунова О.В.* Узбекская женщина: Социальный статус, семья, религия (по материалам Ферганской долины) / Отв. ред. П.И. Пучков. М., 2006.
- Житков* 1913 – *Житков Б.М.* Полуостров Ямал // Зап. ИРГО по общей географии. Т. 49. М., 1913.
- Зуев* 1947 – *Зуев В.Ф.* Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остягов и самоедов // Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). Тр. Ин-та этнографии. (Нов. сер.). Т. 5. М.; Л., 1947.
- Значение охраны... 2004 – Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России. М., 2004.
- Иславин* 1847 – *Иславин В.* Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.
- Костиков* 1930 – *Костиков Л.В.* Законы тундры // Тр. полярной комиссии АН. Вып. 3. Л., 1930. С. 3–68.
- Кулемзин, Лукина* 1992 – *Кулемзин В.М., Лукина Н.В.* Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
- Латина* 1998 – *Латина М.А.* Этика и этикет хантов. Томск, 1998.
- Лукина* 2000 – *Лукина Н.В.* Этнограф-северянин как субъект научной деятельности // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 7. Томск, 2000. С. 3–10.
- Лукина* 2002 – *Лукина Н.В.* Наука как форма общественного сознания северных этносов. Томск, 2002.
- Народы... 2005 – Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты // Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М., 2005.
- Пушкарева* 2004 – *Пушкарева Е.Т.* «Свой среди своих»: Проблемы работы этнографов и фольклористов в своей традиционной среде» // Сакральное в традиционной культуре: методологические исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов: Матер. Междунар. интердисциплинарного науч.-практ. семинара-конф. Москва – Республика Алтай: 6–15 июля 2003 г. М., 2004 (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам – далее: ЭИ... Т. 9. Ч. 1). С. 79–85.
- Пушкарева* 1998 – *Пушкарева Н.Л.* Историческая феминология и гендерный подход в исторических исследованиях // Гендерные проблемы в этнографии. С. 6–13.
- Сакральное... 2004 – Сакральное в традиционной культуре...
- Соколова* 2004 – *Соколова З.П.* “Нашу культуру мы изучим сами”: Проблемы контактов и научной работы с иноэтничными коллегами // Сакральное в традиционной культуре... С. 50–61.
- Харитонова* 2004 – *Харитонова В.И.* Исследование сакрального в культуре: прикосновение к непостижимому или постижение неведомого? // Сакральное в традиционной культуре: ... С. 24–40.
- Харючи* 2001 – *Харючи Г.П.* Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск, 2001.
- Харючи* 2004 – *Харючи Г.П.* О научной деятельности женщин коренной национальности в Ямало-Ненецком автономном округе (к проблеме изучения сакрального) // Мат. Междунар. интердисциплинарного науч.-практ. конгресса «Сакральное глазами “профанов” и “посвященных”». Москва. 21–30 июня 2004 г. М., 2004. (ЭИ... Т. 10. Ч. 1), С. 101–110.
- Харючи* 2008 – *Харючи Г.П.* Защищающие природу табу // Матер. 2-й междунар. конф. по самодистике – посвящается 100-летию со дня рождения Н.М. Терещенко (16–18 октября 2008 г.): СПб., 2008. С. 267–291.
- Хомич* 1966 – *Хомич Л.В.* Ненцы: Историко-этнографические очерки. М.; Л. 1966.
- Шренк* 1855 – *Шренк А.* Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, в 1937 г. СПб., 1855.